

О БОРИСЕ ФЕДОРОВИЧЕ ЖЕЛЕЗЧИКОВЕ

А.С. Скрипкин

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
в наших спорах без сна и покоя.

Мне не стало хватать его только сейчас,
когда он не вернулся из боя.

В. Высоцкий

То, что вы прочитаете ниже, — это не некролог, это попытка передать личное восприятие Бориса Федоровича Железчикова как человека, педагога, ученого, товарища. Полагаю, что многие годы, в течение которых мы с ним делали одно и то же дело, дают мне право на это.

Точной даты своего знакомства с Борисом Федоровичем я не помню. Это произошло во второй половине 70-х годов, когда он учился в аспирантуре Института археологии АН СССР, которую я закончил раньше. Я часто приезжал в Москву для работы в архиве Института, в библиотеках, и мы встречались с ним. В 1979 г. Борис Федорович приезжал в Волгоград в качестве руководителя группы студентов Уральского педагогического института, направленных на XI Урало-Поволжскую археологическую студенческую конференцию (УПАСК), проводившуюся на базе Волгоградского пединститута, в котором я тогда работал и занимался организацией этой конференции.

Окончательно свела судьба меня с Борисом Федоровичем в Волгоградском государственном университете, в котором нам предстояло проработать вместе почти двадцать лет.

Все произошло следующим образом. В начале 1980 г. я перешел на работу во вновь открывшийся Волгоградский государственный университет. В свою очередь, у Бориса Федоровича не сложились отношения с его

первым наставником в археологии Г.А. Кушаевым, вместе с которым он работал после окончания аспирантуры в пединституте г. Уральска в Казахстане. Узнав об открытии в Волгограде университета, он написал мне письмо с просьбой помочь ему в устройстве на работу. Поскольку в то время я занимался подбором преподавателей для будущего исторического факультета, который был обозначен в структуре университета, я обратился с рекомендацией к ректору М.М. Загорулько, положительно охарактеризовав деловые и человеческие качества Бориса Федоровича. Ректором было принято решение вызвать его на собеседование, после которого ему было предложено перейти на работу в Волгоградский университет.

С тех пор и началась наша совместная с ним работа в университете. В течение многих лет нам приходилось заниматься не только становлением археологии, как одного из научных направлений в университете, но и многими другими делами: формированием кафедры, факультета и университета в целом. В разное время мы исполняли одни и те же должности, иногда по разным причинам сменяя друг друга. Он и я были заведующими одной и той же кафедрой, исполняли обязанности проректоров, возглавляли партийную организацию университета. Бывало и так, например: Борис Федорович работал деканом исторического факультета, а я заведующим кафедрой.

рой и по субординации находился в подчинении у него, но, в свою очередь, он, как преподаватель моей кафедры, подчинялся мне.

Нам приходилось часто вместе бывать в археологических экспедициях, ездить в деловые командировки и на научные конференции. Обычно вместе с ним мы выезжали в филиал нашего университета в Урюпинске, где проводили занятия со студентами. Вместе читали лекции в Оломоуцком университете в Чехословакии. В общем, мы достаточно хорошо знали друг друга. Я не могу сказать, что мы с Борисом Федоровичем были закадычными друзьями, но, что на протяжении всех этих лет между нами были хорошие товарищеские отношения, это очевидно.

Не во всем мы с ним были единомышленниками. В научных вопросах мы довольно часто придерживались различных точек зрения, спорили на конференциях и различных археологических «посиделках». Когда были помоложе, споры эти были более эмоциональными. Борис Федорович больше занимался проблемами адаптации кочевников савромато-сарматского времени к природным условиям и профессионально разбирался в палеоэкологии, сферой его интересов было происхождение ранних кочевников Волго-Уральского региона и общие вопросы истории номадизма. Меня в большей степени интересовали проблемы типологии и хронологии сарматских памятников, формирования сарматских культур, этнополитической истории сарматов и их культурных связей. Споры чаще инициировал Борис Федорович, критически высказываясь о моих разработках или других наших сотрудников, придерживавшихся близких мне взглядов. Меня часто возмущало, что он сам, не занимаясь данной темой с достаточной глубиной, например проблемами хронологии, мог в резкой форме высказывать несогласие с ее трактовкой кем-либо из нас. Правда, в этом случае больше доставалось другим, И.В. Сергацкову например, чем мне. Борис Федорович по натуре был бунтарем, причем не только на научном поприще, он довольно часто на разного рода производственных совещаниях мог неожиданно резко высказаться по какому-либо поводу, как я понимаю, неожиданно и для самого себя, поскольку после он переживал за сказанное им. Он с юмором вспоминал, как, будучи еще студен-

том, раз побывавшим в археологической экспедиции, в своем докладе на УПАСК раскритиковал все, что к тому времени было сделано в сарматской археологии К.Ф. Смирновым. И хотя при первой встрече Константин Федорович интеллигентно объяснил студенту Борису Железчикову, что тот был не прав, сущность свою неспровергателя он сохранил до последних дней своей жизни. Мне неоднократно, особенно в первые годы совместной работы, приходилось убеждать Бориса Федоровича осторожнее обращаться с такими определениями, как «в корне неверно», «принципиально не согласен», в отношении работ своих коллег. С возрастом мы терпимее стали относиться к своим научным опусам, понимая условность наших знаний о прошлом.

В принципе нам всегда хватало такта и ума, в чем не малая заслуга и Бориса Федоровича, не распространять наши расхождения во мнениях по научным проблемам на наши личные отношения, которые бы мешали общему делу. Ведь при другом отношении к сказанному молодой коллектив, во главе которого мы стояли, можно было легко расколоть на сторонников Железникова и Скрипкина. Аналогичных примеров тому много. С самого начала работы в университете мы договорились вместе обсуждать все, что было связано с организацией нашей научной и учебной работы. Наш археологический коллектив постоянно увеличивался, расширялась его структура: при кафедре была открыта аспирантура, образован Научно-исследовательский институт археологии Нижнего Поволжья, кроме того, уже много лет существовала археологическая лаборатория. Важно было сохранить единство нашего археологического коллектива, что во многом зависело от нас с Борисом Федоровичем — к этому обязывали как возраст, так и должность, — и нам это удалось сделать. Всякие «центробежные поползновения» нами пресекались. Мы не прибегали к силовым методам. Все недоразумения, которые случались, рассматривали сообща.

Борис Федорович был хорошим администратором и в этом отношении много сделал для развития исторического факультета и университета в целом. Будучи деканом, он в одинаковой мере решал различные проблемы, возникавшие как у студентов, так и у преподавателей. В равной мере

он пользовался авторитетом как у тех, так и других. Его любили студенты, с которыми он мог быть и строгим и добрым, но всегда справедливым. Он многих студентов знал по именам, даже тех, кто уже давно закончил университет, интересовался их судьбой, многим помогал. Уважали его студенты и как преподавателя, ведущего профессора на факультете. Вполне логичным было назначение Бориса Федоровича на должность проректора по социальной работе. Заходя к нему в кабинет, я видел, каким множеством вопросов ему приходилось заниматься, начиная от семейных неурядиц до различного рода общеуниверситетских мероприятий.

Специально хотелось бы сказать и о той роли, которую играл Борис Федорович в археологических экспедициях, организуемых университетом. Самостоятельных полевых исследований во время своей работы в Волгоградском университете он провел немного, чаще он выезжал в составе экспедиций, руководимых кем-нибудь из наших коллег. Но помощь, которую он оказывал работе экспедиции, была всегда очень существенной, с ним легко было работать. Он обладал выдающимися способностями договариваться с разного рода начальниками по всем вопросам жизни экспедиции. В напряженные периоды работы экспедиции ободрял студентов, а недисциплинированных мог и приструнить. Был организатором и участником различных праздников и вечеров, участвовал в розыгрышах, которые часто случаются в экспедиционной жизни. Он мог приготовить прекрасное блюдо на всю экспедицию.

Вообще, хлебосолом Борис Федорович был великим. Это особая строка в его жизни. Я вспоминаю, как мы отмечали дни его рождения или какие-нибудь праздники у него дома. Семья Железчиковых отличалась чрезвычайной гостеприимностью. На столе всегда было изобилие блюд, многие из которых, особенно мясные, готовил сам Борис Федорович. У него было одно правило: на праздновании дня своего рождения он не разрешал произносить тосты в свою честь, а сам произносил их в честь каждого из присутствующих гостей. В компании Борис Федорович был незаменимым человеком, любил посидеть за хорошо накрытым столом, поговорить, пошутить, пошутиться. Мог он и до утра просидеть за преферансом. Он был из числа тех надежных

людей, о которых говорят: настоящий мужик.

Мне трудно дать однозначную оценку научного наследия Бориса Федоровича. И не только по той причине, что мы с ним часто придерживались различных взглядов на некоторые общие проблемы сарматской археологии, но еще и потому, что я всегда находился под двойственным впечатлением от его устных выступлений и публикаций. Мне приходилось бывать на многих разного уровня научных конференциях, на которых Борис Федорович делал достаточно интересные обстоятельные доклады. Он был хорошим оратором и успешно выступал не только на конференциях, но и великолепно читал лекции, за что студенты уважали его. Писал Борис Федорович хуже. Стиль его многих публикаций тяжеловат, в них иногда встречаются противоречивые выводы, досадные опечатки или просто ошибки, за что он неоднократно подвергался критике в печати.

Мне неудобно писать обо всем этом, но и лицемерить я не могу, поскольку отношения у меня с Борисом Федоровичем были открытыми и мы прямо говорили друг другу все, о чем думали. Свое отношение к отдельным положениям, сформулированным им в ряде его работ, я ему неоднократно высказывал.

Но, конечно, не это имеет решающее значение в определении той роли, которую сыграли работы Бориса Федоровича в развитии сарматской археологии, в них есть достаточно много ценного, интересных идей. Не обращаясь к перечню всего опубликованного им, хочу остановиться на его научном докладе, представленном в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук «Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI—II вв. до н. э.» (М., 1997, с. 3—56), в котором нашли отражение основные идеи, разрабатываемые им в течение многих лет. В первую очередь следует отметить, что написанию докторского доклада предшествовала большая работа источниковедческого характера. Многие сотни комплексов были им подвергнуты основательной статистической обработке, позволившей в конечном счете проследить развитие сарматской культуры на обширной территории — от Южного Урала до Дона, причем впервые этот процесс рассматривался в нескольких ракурсах одновремен-

но, с позиции сходства и различия общих признаков по всей выборке, а также по отдельным могильникам и комплексам. Все это позволило ему выявить не только общие тенденции, но и специфику отдельных районов: Южного Приуралья, Заволжья, междуречья Волги и Дона, в которых сарматская культура имела свои особенности как по времени становления, так и слагаемым ее компонентам.

Бесспорно интересны в научном отношении штудии Бориса Федоровича не только в докторском докладе, но и в других его публикациях, относительно оценок кочевого уклада жизни, специфики приспособления кочевников к природным условиям, особенностей кочевания и кочевого хозяйства, социальных отношений в обществе кочевников.

У Бориса Федоровича был широкий круг учеников. Он в течение многих лет руководил спецсеминаром, основную тему которого составляли его научные интересы. Студенты, занимавшиеся под руководством Бориса Федоровича, защитили десятки дипломных работ по савромато-сарматской археологии и многим проблемам номадизма. Его аспиранты В.Н. Порох и В.И. Мордвинцева защитили кандидатские диссертации, В.Г. Блохин и Д. Кутуков завершают работу над диссертациями.

Борис Федорович был предан своей специальности и очень любил ее, о чем свидетельствует и тот факт, что обе его дочери пошли по его стопам, став историками. Старшая — Елена уже закончила исторический факультет и работает преподавателем истории, а младшая — Маша заканчивает тот же факультет, специализируясь по археологии.

Борис Федорович был мужественным человеком. Болезнь съедала его постепенно, и он знал, чем все это закончится. Последние год-полтора он особенно плохо чувствовал себя. Ночами мешало спать удушье, мучил сильный сердечный кашель. Однако он продолжал работать, ездить в командировки — все это давалось ему с великим трудом, чему сам я свидетель, поскольку все время был с ним рядом: вместе ездили в Москву на конференцию, посвященную памяти Б.Н. Гракова, в Урюпинск, в филиал университета. Помню одну из последних встреч с ним, которая состоялась на кафедре, и страшные слова, которые он произнес совершенно спокойно: «Все, Степаныч, финиш — осталось не больше месяца». Через месяц Бориса Федоровича не стало.

Прошло не так много времени со дня смерти Бориса Федоровича, его утрата многими в университете ощущается еще достаточно остро. Лично я испытываю чувство какой-то пустоты, оно возникает, видимо, потому, что раньше я практически каждый день в университете встречался с Борисом Федоровичем, мы обсуждали с ним различные вопросы, связанные с нашей общей работой, могли поговорить о жизни и о многом другом, могли о чем-то и поспорить. Часто, прежде чем принять решение, я с ним советовался, считая, что в административной работе он был сильнее меня. Последнее время ловлю себя на том, что в голову часто приходят слова из песни Владимира Высоцкого о друге, который не вернулся из боя, с которым много времени прожил рядом и многое пережил, и, может быть, не всегда был с ним в ладу, но только после его смерти понимаешь, как порой его не хватает.